ПОБЕДА ДЕМОКРАТОВ: ПОРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ?

Дмитрий ФУРМАН

Путч 19 августа — явление поразительное (и в то же время вполне укладывающееся в логику революционных процессов). Формально в руках путчистов были громадные ресурсы — и отнюдь не только в лице армии и КГБ, но и в виде поддержки достаточно широких слоев населения. Надо хотя бы посмотреть на результаты выборов президента России, чтобы понять, что за путчистами сразу же пошло значительное меньшинство — большее, очевидно, чем то меньшинство, которое поддерживало в свое время Франко в Испании или Пиночета в Чили. И в случае успеха это меньшинство могло бы стать и большинством — значительная масса людей колебалась, а через какое-то время в результате пропаганды и действия психологических механизмов конформизма у него «открылись бы глаза» на то, к какой пропасти подвела страну клика Ельцина и нерешительность Горбачева. Чего не хватало путчистам прежде всего — это веры в себя, решимости, готовности проливать кровь.Нагнать в Москву тысячи танков и никого даже не арестовать — это надо уметь, и эта «мягкотелость» сразу же обрекла их на поражение, ставшее очевидным в первые же часы путча. И это отсутствие веры в себя и решимости — не случайны, это не просто личные качества этих людей. Вряд ли Язов такой трус, и вряд ли легче убить себя и обречь на смерть жену, как сделал Пуго, чем арестовать Ельцина и Попова. Здесь нечто иное. Здесь действует какая-то глубинная логика.

На наш взгляд, трусость и мягкотелость путчистов — это не столько личные, сколько идеологические трусость и мягкотелость. Это трусость и мягкотелость того же порядка, что мягкотелость Керенского, не решавшегося по-настоящему ударить по большевикам. Дело в том, что видеть в Лукьянове или Павлове сталинистов может лишь крайне идеологизированное сознание. Это то же самое, что видеть в Милюкове замаскированного черносотенца, как видели большевики, или наоборот, замаскированного большевика, как видели черносотенцы. Лукьянов и Павлов, а наверное, и Пуго с Язовым, — люди первого, начального этапа, того перестроечного движения, которое в своем дальнейшем, ставшем уже революционным развитии, пошло значительно более бурно и стихийно, чем предполагалось, и начало выдвигать

людей другого типа. Мне представляется, что это — либеральные чиновники и политики, верой и правдой служившие Горбачеву и его реформаторскому курсу, у которых, однако, их запас «либерализма» уже исчерпался. Они приняли очень много — выборы, отмену шестой статьи, приватизацию, но та черта, которую они не смогли перейти — это демонтаж Союза, который виделся им в новом союзном договоре. Это люди, связавшие себя именно с союзными структурами, и можно понять, например, Язова, человека «профессионально-имперского» мышления, для которого расчленение Союза непереносимо. Но так как это люди, уже принявшие очень много из того, что было звеньями, этапами процесса, который вел к неприемлемому для них результату, у них и не могло быть необходимой решимости, той решимости, какой вполне хватало Пиночету, Франко, большевикам. Не мог Лукьянов, выдвинутый в «полудемократическом» процессе выборов 1989 года, все время занимавшийся «парламентскими интригами», великолепно «нашедший себя» в роли главы союзного парламента, быть диктатором или даже выступить за диктатуру. Не мог Павлов выступить за возврат к социализму. Путчисты — люди этапа 1988 — начала 1989 годов, это «маркизы Лафайеты» русской революции, обреченные на безнадежную попытку остановить процесс, который они сами приводили в движение. История самых разных революций полна такими нерешительными путчами тех, кто принадлежит к раннему этапу революционного процесса и кто оказывается трусом в силу своей идеологически межеумочной, переходной позиции. И каждый раз это половинчатое сопротивление, пока идет революционная волна, подхлестывает ее, выдвигая как раз тех, кого они пытаются остановить. Мятеж Савинкова и Корнилова помог большевикам. Мятеж жирондистов расчистил путь якобинцам. Мятеж 19 августа привел к триумфу наших демократов, и если бы Ельцин выдумывал, что ему нужно для окончательного триумфа, так это именно то, что сделали путчисты. Но одновременно триумф демократов — это очень серьезный удар по нашей демократии. Почему?

Прежде всего потому, что демократия и наше демократическое движение — отнюдь не тождественные понятия. Демократы у нас — это революционная партия, относительно единая, имеющая общепризнанных вождей. Это — движение, партия, начертавшая демократию на своем знамени, но, как и любые движения и партии, имеющая и свои специфические, отнюдь не сводящиеся к интересам демократии, партийные интересы.

Припомним относительно быструю, прошедшую на наших глазах эволюцию этого движения. Вначале его лидер — глубоко идеалистический человек, «Дон-Кихот», академик Сахаров, вокруг которого группируются немногие бывшие диссиденты и известные либеральные интеллигенты — любители в политике. В идеологии движения доминирует абстрактный, идеалистический, во многом нереалистический демократизм. Но все это было уже очень давно. За каких-то два года произошли громадные изменения и в социальном характере, и в идеологии движения.

Вначале еще никто не предполагал, какие громадные политические возможности есть у демократов. Но по мере того, как Горбачев и либеральная верхушка КПСС продвигала демократические реформы, возможности эти становились все более очевидны. Они коренились во всеобщей (сверху донизу) утрате веры в коммунистическую идеологию, в анти-

коммунизме, пронизывающем все наше «коммунистическое» общество, от Политбюро до нищего колхозника. И как только появляется система состязательных демократических выборов, этот глубоко запрятанный антикоммунизм начал выходить наружу, принимать форму голосования за «демократов», сначала, как на выборах народных депутатов СССР, в больших городах. Принадлежность к демократии очень быстро стала выгодной, стала путем «наверх». И если раньше среди лидеров демократов доминировали люди, приобретшие известность вне политики, в своих профессиональных сферах, политические дилетанты, то уже во время наших первых, относительно свободных выборов на сцену вышел новый элемент — более молодые люди, для которых их демократизм был основным средством социальной мобильности.

Эти люди естественным образом стали оттеснять либералов-любителей, не способных полностью отдаться серьезному делу политики — борьбе за власть. И одновременно они вносят в движение новый, цинично-партийный дух, ярко проявлявшийся уже у «межрегионалов», когда Гдлян практически безо всяких доказательств обвинял Лигачева и чуть ли не Горбачева во взятках, а «межрегионалы» считали, что это совершенно нормально. И дело здесь совсем не в том, что «политика — дело грязное» и политик-профессионал — хуже, циничнее «любителя». Политика не грязнее любого другого дела, и Станкевич или Заславский могут быть людьми не менее честными, чем Карякин или Евтушенко. Но у них — другие интересы, у них нет того независимого от политики статуса, который позволяет политикам-«любителям» — быть свободными в политической сфере: для них политика — все, политическое падение — полное падение, а не уход в основную профессиональную сферу.

Выборы в Верховный Совет РСФСР и местные советы проходят уже при полном доминировании в демократическом лагере людей, делающих карьеру через «демократическую» политику, которая ведется теперь более умело, напористо, серьезно и вскоре приведет к захвату «демократами» власти в России. Во главе демократов теперь уже не «Дон-Кихот» Сахаров, смерть которого подводит черту под ранним этапом движения, а Ельцин, бывший кандидат в члены Политбюро, перешедший на демократические позиции. Одновременно в идеологии движения происходят бурные изменения.

Захват демократами власти в России сопровождается выдвижением политически выгодного лозунга суверенитета России, позволившем создать мощный блок с сепаратизмом в союзных республиках и начать использование в интересах демократического движения русского национализма. Те же самые люди, которые только что выступали за передачу Карабаха Армении, фактически проигнорировали трагедию турок-месхетинцев (ибо поддерживать турок — это значит поддерживать союзную власть) и стали категорически отрицать права Татарии стать союзной республикой, выдвигая полностью противоречащий идеям реннего этапа движения лозунг «единой и неделимой России».

Произошла подмена идеи демократии идеей прав республик (причем именно союзных, а не автономных), борьбы с национальным угнетением — борьбой с Союзом и центром. Власть демократов полностью подменила сам смысл демократии.

Наш вариант демократической идеологии стал постепенно расходиться с общедемократическими принципами, «обрастать» добавлениями, не имеющими к ним отношения, но свя-

занными со специфическими потребностями партийной борьбы. Соответственно и демократический блок все более стал включать недемократические элементы. В нем все больше людей, привлеченных не идеей демократии, а просто карьеризмом, выгодой, которую они могут получить от перераспределения власти от Союза к России, наконец, русским национализмом. И по мере того, как власть стала стремительно уходить из рук КПСС и союзных структур, вся шушера, которая раньше толпилась на Старой площади, стала толпиться в подъездах Белого дома.

Произошло то, что происходило в истории тысячу раз, начиная с эволюции раннего христианства, кончая эволюцией большевиков. Идущее к власти движение постепенно отодвигает на задний план свои идеалы и принципы. Средства для реализации его целей — власть, влияние на массы — становятся для него истинными целями. При этом, побеждая и подчиняя себе массы, оно само подчиняется массам — их сознанию, их предрассудкам.

Я совсем не считаю, что мы психологически и культурно очень далеки от демократии, мы во много раз ближе к ней, чем в 1917 году. Но было бы крайней наивностью думать, что победившее в масштабах нашей страны за два года народное движение может действительно быть демократическим. При нашей политической традиции появление в нем «фашизоидных» элементов было практически неизбежно. А то, что оно называется демократическим (и даже субъективная преданность части его участников демократии) — такая же малая помеха его «фашизации», как интернационализм большевиков и лозунг «Вся власть Советам» были помехой становлению сталинского режима. И полная (и не дай Бог окончательная) победа «демократов» в результате провала путча 21 августа предельно ускорила их уже очень четко обозначившееся перерождение. Оппозиция — в лице умирающей КПСС и «союзных структур» — практически исчезла, и на деле вновь возникла однопартийная система. При этом «героическая оборона» Белого дома от армии, не стрелявшей и стрелять не собиравшейся, была воспринята как индульгенция на все. И если ранний этап движения олицетворяет облик Сахарова, то теперешний — самодовольное мурло победившего хама.

В российском парламенте воцаряется новый и в то же время очень старый дух непристойной лести по отношению к «своим» лидерам и столь же непристойного хамства по отношению к чужим. (Вспомним о предложениях дать Ельцину звание Героя Советского Союза и о приеме депутатами Горбачева). Вокруг имущества КПСС начинается свалка, скорее напоминающая драку «паханов» из-за дележа награбленного, чем политическую борьбу. Тут же, через несколько дней после торжественных заявлений, что у России нет ни к кому территориальных претензий, она предъявила претензии ко всем соседям, и сколько бы потом она от этих требований ни отказывалась, стало очевидно, что значат для победившей «демократии» договоры.

При этом, освободившись от оппозиции в лице умирающей КПСС, новые лидеры явно намерены «приструнить» (а вскоре, возможно, и прикроют) те демократические органы, через которые они выдвинулись.

Все идет «как положено» в доброй большевистской традиции, когда за ликвидацией оппозиции в стране наступает очередь ликвидации оппозиции в партии. Чем больше меняются названия, тем более все остается по-старому, ибо на самом деле нет лучшего способа оставить все по-ста-

рому, чем радикально изменить название.

Дальнейшее уже более или менее ясно — это новая авторитарная система во главе с Ельциным, которого даже нельзя ни в чем обвинять — его несет историческая волна, подхватившая его, пронесшая через демократически-популистскую стадию и сейчас выносящая к роли «великого князя», опирающегося на преданное ему «демократическое движение», в идеологии которого все более доминирует риторический антикоммунизм и русский национализм. Как в 1917 году, так и сейчас, революция «проскакивает» в своем цикле от авторитаризма к новому авторитаризму (или тоталитаризму) стадию демократии, отвергая «нерешительные» фигуры Милюковых, Керенских, Лукьяновых, Горбачевых.

Очень скоро произойдет и то, что произошло после победы большевиков со многими «белыми», понявшими, что воевали они не с тем, что большевики-то и есть «собиратели земли русской».

У меня практически нет сомнений, что в недалеком будущем Союз писателей РСФСР и люди типа Невзорова поймут, что Ельцин и есть новый русский царь, о котором они мечтали, и идеалисты, оставшиеся в демократическом лагере, будут «вышвырнуты» и у себя на кухнях (это еще хорошо, если на кухнях) будут шутить: «За что боролись, на то и напоролись».

Что же делать? На первый взгляд, сделать можно не так уж много. Рациональные аргументы так же плохо действуют на революционеров, как они плохо действуют на людей, пребывающих в цикле маниакально-депрессивного психоза. Припадок кончится сам собой — бессилием и опустошением.

Можно только уповать на то, что все-таки с 1917 года мы прошли большой путь. Психологически московский кооператор или обезумевший младший научный сотрудник все же ближе к демократии, чем питерский рабочий или моряк-балтиец, поэтому новая тоталитарная стадия нашего развития будет мягче и скоротечней, и в конечном счете демократия не может не победить (не при нас, так при наших детях). И все же есть еще определенная надежда на то, что почти неизбежный финал нашей трагикомедии не состоится, и демократия победит на этом историческом отрезке.

На наш взгляд, «пир победителей» начался слишком рано и со слишком большой откровенностью. «Мурло» вылезло и стало очевидным для многих раньше, чем его обладатели полностью укрепились у власти. Сейчас уже кое-кто начинает осознавать реальную опасность для демократии — исходящую не от старых, бессильных структур, «подточенных» либеральной эволюцией и показавших свое бессилие 19 августа, а от «демократов»-победителей.

И если эти люди решатся встать в радикальную оппозицию еще не окрепшему новому тоталитаризму, у них есть шанс. Но это не должна быть чисто интеллигентская оппозиция горстки идеалистов —такая оппозиция обречена. Это должна быть серьезная оппозиция, включающая все реальные силы, чьи устремления, не противореча самим принципам демократии, противоречат интересам и политике данного «ельцинского», «демократического» блока, даже если их психология—сомнительно демократична—движения в автономиях; всех тех, кому дорог еще не до конца разрушенный Союз (бывший не только тюрьмой народов, но и силой, не допускавшей слишком явных притеснений нацменьшинств, гарантом от возникновения в республиках фашистских режимов) и которые не могут простить легкомысленно-корыст-

ного его разрушения; тех, чьи интересы—скорее в усилении областных, местных властных структур, а не российского центра, скорее — в советах, чем в мэриях. Это может быть очень пестрая и в то же время могучая коалиция. В ней могут быть и либеральные коммунисты, которым были противны карьеристскос бегство из партии, и люди, сделавшие на одной партии карьеру дважды, — один раз войдя в нее, другой раз—выйдя. Но она должна вести не назад, к «идеалам социализма», а вперед—к демократической России, которая все равно, рано или поздно, будет. И кто бы из современных лидеров ни взялся за создание такой новой политической силы, пусть даже руководствуясь честолюбием и властолюбием, он объективно сослужит великую службу своей стране. Потому что страшит не честолюбие лидеров, не проникновение в движение «прохвостов» — прохвосты есть везде и всегда. Страшно только одно— полная победа одной политической силы, монополия на власть. Если другая сила возникнет и выступит на следующих выборах, то, может быть, эта революция будет последней. Если не возникнет, то следующие выборы будут еще очень не скоро—победителям они не нужны, а как наши демократы обходятся с конституциями, мы уже видим. И тогда не путч 19 августа, а его поражение 21 августа будет датой, с которой начнется новая тоталитарная эпоха российской истории, дай Бог, недолгая.

НЕЗАВИСИМОСТЬ И АВТОРИТАРИЗМ: ТРУДНЫЕ РОДЫ ДЕМОКРАТИИ

Алексей ЕЛЬЦМАНОВ

Крушение советской империи, быть может, одна из ярчайших драм в истории современности. И драма эта — с открытым финалом. Постимперский хаос продолжает нарастать. Деталировка все более запутывается. Определенностью отличаются лишь самые общие прорисовки будущего. Ясно, например, что лейтмотивом этой исторической симфонии является тема ускоряющегося дистанцирования друг от друга отдельных частей бывшего «союза нерушимого». Попытки поставить этот распад под совместный контроль республик — активных субъектов распада — это лишь обертоны. Они придают основной мелодии своеобразный оттенок, несколько смягчая ее, но не изменяют общего смысла. Их цель — не воссоздание Союза, а предотвращение реальной угрозы междоусобиц типа